

⁷⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 408; ф. 396, оп. 2, кн. 205, л. 305.

⁷¹ Там же, ф. 396, оп. 2, кн. 278, л. 65 об.

⁷² Скобелкин О.В. Переходы западноевропейцев из войск Владислава на русскую сторону в 1618 г. // Исторические записки: научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 17–26; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007. С. 242–244.

⁷³ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 452, 459.

⁷⁴ Там же. С. 446–447.

⁷⁵ Там же. С. 461.

⁷⁶ Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 81.

⁷⁷ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 128; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 154.

⁷⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 408, 433, 442, 461, 563, 574.

⁷⁹ К сожалению, в светских документах крайне редко раскрывалось вероисповедание новообращенного. Но когда конфессиональная принадлежность известна, в подавляющем большинстве случаев это католицизм. За первую половину XVII в. дошли упоминания всего о 3 иммигрантах-протестантах из Речи Посполитой.

⁸⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 280; Опарина Т.А. Иноземцы в России... С. 248–250, 255.

⁸¹ РГБ, Собр. Троице-Сергиева монастыря, № 741, л. 97.

⁸² Казанский П. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1848. № 8. С. 1–26; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // Православный собеседник, 1862. Ч. 2. С. 375–384; Чумичева О.В. Споры об исправлении Требника в первой половине XVII в.: текстологические аспекты // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Т. 56. СПб., 2004. С. 566–574.

⁸³ «Ноября в 30 день... государыня и великая старица инокиня Марфа Ивановна пожаловала Крутицкого митрополита Иону. Дано ему два аршина бархату рытого былово цена по рубль аршин» (РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 204, л. 152).

⁸⁴ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009. С. 674, 677, 680.

⁸⁵ Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И., Коваленко Г.М. Апология Юхана Видекинда // Видекинд Ю. Указ. соч. С. 532.

⁸⁶ Опарина Т.А. Конфессиональные нормы принятия русского подданства шляхтичами-католиками Речи Посполитой (первая половина XVII в.) // Studia ofiarowane Profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2004. S. 149–167.

⁸⁷ Ульяновский В.И. Указ. соч. С. 273.

⁸⁸ Опарина Т.А. Иван Наседка... С. 342.

⁸⁹ Гренков А. Собор, бывший в Москве при патриархе Филарете в 1620 г. и его определения // Православный собеседник, 1864. № 2. Кн. 1. С. 158; Булычев А.А. О публикации... С. 35–62.

© 2010 г. А. А. ДЕМИЧЕВ *

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Комплекс исторических источников Нового времени в отличие от предшествующих периодов является чрезвычайно широким. Конечно, речь идет не только о количественных показателях, но и о качественном разнообразии, проявляющемся, в первую

* Демичев Алексей Андреевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Нижегородской академии МВД России.

очередь, в возникновении новых видов источников. Это открывает перед историками широкие исследовательские перспективы. Однако отдельные виды исторических источников нередко выпадают из поля зрения ученых. Причиной этого, на мой взгляд, является то, что некоторые из них воспринимаются исследователями как малозначимые, поэтому не изучаются и не привлекаются к разработке той или иной проблематики. Прежде всего это касается близких друг другу устных источников и фольклора. «Объединение устных источников и фольклора в одно целое и в то же время выделение каждого вида, – пишет В.В. Кабанов, – обусловлено следующими обстоятельствами. Устные источники – это изустно передаваемая информация о тех или иных событиях, нередко в форме слухов. Фольклор – это творческое, художественное отображение событий, иногда тех же самых. Граница здесь условна. Слух может превратиться в исторический анекдот, в миф, легенду, т.е. в разновидность фольклора»¹.

Следует обратить внимание, что специалисты по древней и средневековой истории, сталкиваясь с дефицитом источниковой базы, как правило, не пренебрегают произведениями художественной литературы и фольклора. В исследованиях же проблем нового и новейшего времени, к сожалению, лишь отдельные ученые акцентируют внимание на том, что «фольклор остается и в наши дни яркой характеристикой культурно-исторической среды, ее духовного облика и бытового уклада», а «частушки и анекдоты наиболее прямо и непосредственно фиксируют действительность»².

И с точки зрения марксистской методологии истории, и с точки зрения источниковедческой парадигмы методологии истории анекдот идентифицируется в качестве исторического источника. В первом случае, поскольку он несет информацию о прошлом, во втором – является продуктом целенаправленной человеческой деятельности и позволяет познать нам «другого», человека прошлого. Познание «другого» возможно через любой исторический источник, независимо от его видовой принадлежности. При этом в плане установления «психического» контакта историка и «другого» наиболее продуктивно изучение нарративов, так как в них, в отличие от законодательных, статистических или делопроизводственных документов, изначально и целенаправленно закладывались определенные идеи, предлагались трактовки и интерпретация тех или иных событий. В нарративах, в том числе и в анекдотах, нашли закрепление именно те оценки, которые человек прошлого хотел донести до потомков (или, по крайней мере, до современников).

Как исторический источник анекдот обладает совокупностью специфических черт. 1. С точки зрения типологии (а ее критерием является способ хранения информации) анекдот обладает, как минимум, двойственной сущностью. В.В. Химик справедливо отмечает, что «анекдот – это текст. Но текст необычный, существующий в двух формах: в первичной и основной устной форме, а также во вторичной и условной – письменной. Анекдот в первичной устной форме – это один из жанров городского фольклора наряду с тостами, розыгрышами, шутками, передразниваниями, байками, приветствиями и т.п. Анекдот во вторичной, условной форме – это его различные письменные фиксации, записи, обычно в сборниках, собраниях или специальных сайтах русского Интернета»³. Анекдот представляет собой фольклорное явление. Следовательно, его можно отнести к источникам устного типа. С одной стороны, он находится в постоянном развитии, с другой – может быть опубликован и публикуется. Это означает, что из устного источника он превращается в письменный. Опубликование анекдота означает его фиксацию. Однако напечатанный анекдот может быть реанимирован вновь в устную форму, если читатель находит его интересным, актуальным и рассказывает кому-либо. Дореволюционные юридические анекдоты относятся именно к такой разновидности. Когда-то они были устными и подвижными, затем были зафиксированы в различных сборниках, дневниках и воспоминаниях отдельных государственных и общественных деятелей. Учитывая современный интерес к дореволюционным анекдотам, проявляющийся в изданиях сборников, научных исследованиях, можно говорить о рецепции дореволюционного анекдота. Но это именно рецепция, а не долгая жизнь анекдота как фольклорного источника. Вряд ли правомерно утверждать, что какие-либо анекдоты

XVIII–XIX вв. дошли до нас именно как устный эволюционирующий источник. Хотя возможны и исключения.

2. Анекдот всегда анонимен, даже если доподлинно известен автор того или иного сюжета⁴. После рождения этот вид исторического источника существует сам по себе и является плодом коллективного творчества рассказчиков, передающих его из уст в уста. При этом подлинный автор анекдота уже не в состоянии повлиять на дальнейшую жизнь своего творения. Более того, претензии кого-либо на авторство той или иной истории воспринимаются окружающими со скепсисом.

3. Анекдоту свойственна вариативность, растущая из фольклорных корней. Е. Курганов верно подметил, что «как фольклорный жанр анекдот просто не может иметь канонического текста»⁵. По этой причине нередко один и тот же сюжет дошел до нас в нескольких вариантах. В отличие от летописей, художественных, публицистических произведений и прочих нарративных источников анекдот не просто существует в своеобразной герменевтической реальности, а функционирует в ней. Писатель после публикации произведения не может изменить созданную в нем реальность, но конкретный анекдот, находясь в рамках фольклорного жанра, может меняться в продолжение неопределенного времени. Даже если он был опубликован, это не означает его абсолютной фиксации. Любой человек, прочитавший анекдот, имеет полное право вновь придать ему жизнь устного произведения, внося свои коррективы и интерпретации.

4. Анекдот неподцензурен, неподконтролен власти. Каким бы ни был политический режим, анекдот всегда автономен от него, его невозможно загнать в какое-то удобное правящей элите русло. Попытки распространения «официальных» анекдотов, так же как и установление абсолютного контроля над народным анекдотом, всегда обречены на провал. Таким образом, анекдот отражает общественное сознание определенного исторического периода, а не государственную идеологию того же времени.

5. Анекдот является нарративным, следовательно, в значительной степени субъективным историческим источником. Каждый отдельно взятый анекдот отличается, как правило, намеренно гипертрофированным, искаженным восприятием действительности, он целенаправленно ориентирует слушателя на желаемое рассказчиком восприятие описываемой ситуации или действующих лиц. При этом совокупность анекдотов, функционирующих в определенное время в определенной социальной среде, позволяет составить представление о специфических чертах ментальности конкретного общества. В основе анекдота лежит «предубежденный взгляд, свойственный социальной, этнической группе или классу», «анекдот способен выявить глубинный уровень массового сознания, образ мира, присущий определенному этносу, то есть его ментальность»⁶.

6. Средой, в которой возник и функционировал дореволюционный анекдот, являлся город. Следует согласиться с Е. Кургановым, что «анекдот – жанр городского фольклора; отсюда вытекает его динамичная, компактная форма, определяемая ускоренным темпом городской жизни, прямым следствием которого является отбрасывание деталей, повторяющихся действий, побочных характеристик и мгновенное выделение сюжетного нерва происшествия»⁷. М.С. Каган уточняет: «Анекдот – это городской фольклор, создаваемый и функционирующий в среде демократической городской интеллигенции»; «анекдот есть порождение городской культуры Нового времени, и не пролетарских и люмпенских ее низов, а интеллектуальной элиты, которую в России называют «интеллигенцией»⁸. Следует отметить, что в российской деревне анекдот получил распространение только в начале XX в. вследствие активно проходивших внутригосударственных миграционных процессов.

7. Информативность анекдота включает в себя 2 аспекта: фактографический и аксиологический. Ценность анекдота как источника получения фактической информации невелика (исключение составляет, пожалуй, лишь история повседневности и отчасти гендерная история). Обусловлено это, во-первых, его формой, вытекающей из особенностей фольклорного жанра (по объему история не должна быть большой, иначе внимание слушателей рассеивается), во-вторых, тем, что его авторы часто не владели соот-

ветствующей фактической информацией. Кроме того, они не ставили целью отразить что-либо «полно» и «объективно». Поэтому в некоторых случаях информация фактического характера, содержащаяся в анекдотах, неполна, ошибочна и не соответствует действительности⁹. Большую ценность для исследователя представляет аксиологический, оценочный аспект информативности анекдота, позволяющий выявить отношение социальной группы, где данный вид фольклора получил распространение, к историческим персонажам, а также различным явлениям действительности. Через анекдот в большей степени, чем через законодательно-нормативные, делопроизводственные, статистические и другие источники, возможно познание «другого». Он представляет собой весьма качественное связующее звено между коллективным творцом исторического источника и, опосредованно через историка, человеком настоящего. «Анекдот — это форма реагирования на некое сообщение, это историческая или просто логикопсихологическая (случай) аналогия, ассоциация, заключающая в себе определенную концепцию события»¹⁰, а также «внеинтеллектуальная форма рефлексивного отношения к миру»¹¹. Таким образом, использование анекдота в качестве источниковой базы наиболее эффективно тогда, когда ученый пытается постигнуть ментальность изучаемого общества в целом или отдельного социального слоя, стремится понять «человека прошлого», его замысел, установки, идеи, которые он вкладывал при создании анекдота.

8. Анекдот позволяет проникнуться духом изучаемой эпохи. Однако и здесь возникают интерпретационные проблемы. Даже при личном общении люди далеко не всегда понимают друг друга. А когда общение опосредовано через исторический источник, сделать это еще сложнее. Поэтому для ученого-историка очень важно суметь верно декодировать информацию, заложенную в источнике, правильно ее интерпретировать.

Не всегда наш современник видит именно тот смысл, который вкладывали в анекдот люди эпохи, когда он был создан и циркулировал. Ведь одной из особенностей анекдота является (и являлась) некая недоговоренность, намек, который должен понять и оценить слушатель. Именно в этой недосказанности, необходимости самостоятельного «додумывания» и заключается нередко «соль» анекдота. Через десятилетия и тем более века распознать истинное значение, вложенное создателями анекдота в свое творение, порой достаточно сложно. Например, молодому поколению наших современников часто непонятны анекдоты, в которых обыгрываются проблемы дефицита, запрета каких-либо (как правило, политических) тем. Однако во времена, когда эти анекдоты были в ходу, смысл их был вполне доступен не только взрослым, но и детям.

Историк, изучающий анекдот, вынужден решать интерпретационную проблему в несколько этапов. Во-первых, нужно определить время возникновения анекдота (или их определенной совокупности), установить социальную среду, в которой он возник и функционировал. Во-вторых, учитывая особенности ментальности соответствующей социальной среды в определенную историческую эпоху, выявить, что именно хотел рассказчик анекдота донести до своих современников-слушателей, какую идею хотел выразить, в чем заключался его поверхностный и глубинный смысл. В-третьих, историк должен интерпретировать анекдот современным языком таким образом, чтобы не исказить смысл, заложенный человеком прошлого. При этом исследователь должен рассматривать любое явление с двух точек зрения: с позиции современника изучаемой эпохи и с позиции человека своей эпохи.

Специфика анекдота предопределила относительную «бедность» его историографии. Подавляющее большинство исследований осуществили филологи. Написано более 20 диссертаций (Е.Н. Абдразакова, Е.М. Александрова, А.С. Архипова, Н.Г. Бирюков, П.А. Бородин, А.Ю. Голобородько, М.А. Евстафьева, С.А. Егорова, В.М. Иванов, М.Н. Левченко, О.М. Месропова, Н.В. Нагуш, Е.К. Никанорова, Т.Н. Никонова, М.С. Петренко, Н.А. Сатаева, А.А. Синявский, Е.В. Тулина, О.А. Чиркова, Т.Ю. Чубарян, Ю.С. Шапошников, Н.В. Ширяева и др.), посвященных изучению лингвистических, структурных, грамматических и прочих особенностей анекдота, а также его специфике как малого фольклорного жанра. Среди монографий наибольший интерес

с точки зрения источниковедения анекдота представляют работы Е.К. Никаноровой¹² и Е. Курганова¹³. Никанорова попыталась осмыслить жанр исторического анекдота в соотношении со смежными литературными формами, проанализировать исторические анекдоты о Петре Великом, изданные (или собранные) в XVIII в., выявить круг их источников, определить отличительные признаки историко-биографического анекдота в сравнении с анекдотом бытовым. Курганов опубликовал ряд анекдотов конца XVIII – начала XIX в. и дал им качественный комментарий. Философов, культурологов и психологов также интересует проблема анекдота как культурного феномена¹⁴. В диссертации Е.А. Копылковой по психологии «Анекдот как средство переживания национальной идентичности: На материале анализа еврейских анекдотов» проводится мысль, что анекдот является источником изучения ментальности определенных национальных и социальных групп.

Среди историков проблема анекдота поднималась в статьях С.А. Мезина¹⁵ и А.Е. Чекуновой¹⁶, посвященных анекдотам о Петре I и Екатерине II. В 2006 г. Н.В. Смирнова защитила кандидатскую диссертацию об анекдотах о Петре Великом Я.Я. Штелина как историческом источнике для изучения распространенных в среде российского дворянского сословия в середине – второй половине XVIII в. представлений о деятельности Петра I и событиях его времени¹⁷. В 2007 г. вышла в свет моя монография «Образ суда в дореволюционном российском анекдоте»¹⁸, в которой дана общая характеристика дореволюционного анекдота как исторического источника и предпринята попытка реконструкции образа суда в правосознании российских подданных в пореформенный период на основе изучения комплекса исторических анекдотов второй половины XIX – начала XX в.

Таким образом, многие вопросы, связанные с изучением дореволюционного российского анекдота, остаются до настоящего времени либо малоизученными, либо неизученными. Целью данной статьи является анализ некоторых специфических черт российской ментальности XVIII – первой половины XIX в. на основе изучения комплекса дореволюционных юридических анекдотов.

Учитывая многочисленность дошедших до нас анекдотов, я намеренно сужаю источниковую базу исследования до анекдотов юридической тематики. Определяющим фактором в данном случае стало то, что юридическая сфера жизни общества – это, как правило, сфера конфликта, столкновения интересов¹⁹. Именно в конфликтной ситуации наиболее ярко проявляются те или иные черты, присущие отдельному человеку, социальной группе или обществу в целом. Изученный мною комплекс юридических анекдотов позволяет реконструировать особенности монархического правосознания российских подданных, их представления о справедливости, соотношение воли монарха и закона, а также ряд других специфических черт российского общественного сознания. Хронологически данная работа охватывает XVIII – первую половину XIX в. Выбор этого временного промежутка обусловлен тем, что анекдот как фольклорный жанр появился в России в XVIII в. (скорее всего, во второй половине века) и до середины XIX в., точнее до Великих реформ Александра II, имел ряд особенностей, отличающих его от современного анекдота.

А.Е. Чекунова отмечает, что «как и на Западе, в русском обществе XVIII – начала XX в. анекдоты воспринимали как поучительно-воспитательные и одновременно шутивно-развлекательные малоизвестные повествования о ком-то или о чем-то. Однако термин “анекдот” утверждался в России не просто, и во второй половине XVIII в. наряду с ним употреблялись синонимичные ему тогда понятия – “замысловатые речи”, “достопамятные случаи”, “тайные повести”, “забавные повести” и т.д. Екатерина II в своих мемуарах (“записках”), к написанию которых она приступила в возрасте 15 лет, анекдотами называла памятные случаи из минувшей истории или жизни (личной и других людей)»²⁰.

В 1835 г. известный филолог академик А.В. Никитенко определил, что анекдотом можно считать: «1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычайности, новости или неожиданности и проч.; 2) любопытную черту в

характере или жизни известного исторического лица и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению»²¹. Приведенное определение является достаточно точным применительно к XVIII – первой половине XIX в. Что касается анекдота в его современном обыденном понимании, как короткого смешного рассказа с остроумной концовкой, то, по моему мнению, он появляется в России только в 1860-х гг. Его возникновение было связано со сдвигами, произошедшими в массовом сознании в связи с Великими реформами Александра II, в первую очередь, конечно, с крестьянской реформой, приведшей к изменению общественного строя, системы социальных взаимоотношений и повлекшей за собой комплекс взаимосвязанных преобразований, а также серьезные изменения в массовом сознании. Анекдоты XVIII – первой половины XIX в. – явление, скорее, историографии, нежели фольклора. Они представляют собой реальные или вымышленные рассказы из жизни известных исторических персонажей: императоров, их окружения, высокопоставленных чиновников, писателей, художников и прочих знаменитых людей.

В настоящей работе проанализированы 22 анекдота. Все они носят персонифицированный характер. Их главными героями являются российские монархи Петр I, Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I. Следует отметить, что анекдоты о Петре I были записаны и опубликованы только во второй половине XVIII в., и, как верно отмечает Н.В. Смирнова, являлись «отражением субъективного восприятия личности Петра I и событий его времени, свойственного российской элите середины – второй половины XVIII в.»²². Что касается анекдотов о Екатерине II, Павле I, Александре I и Николае I, то они были записаны и опубликованы при жизни или вскоре после смерти этих правителей и, следовательно, отражают взгляды современников описываемых событий. В работе используются анекдоты, опубликованные в отдельных изданиях конца XVIII – первой половины XIX в.²³, сборниках анекдотов изучаемого периода²⁴, сборниках анекдотов и на страницах журналов 1880–1890-х гг. (в них напечатаны истории, собранные в более ранний период)²⁵, а также в современных переизданиях дореволюционных анекдотов²⁶. Приведенные ниже анекдоты (первые 13 историй) достаточно ярко отражают такую специфическую черту российского менталитета, как вера «в доброго царя», восприятие монарха как носителя высшей справедливости и последней инстанции в разрешении споров и конфликтов.

№ 1²⁷: «Стольник Желябужский впал в такое преступление, которое, по справедливости, заслужило публичное наказание и ссылку, к чему воинским судом он был приговорен, и приговор тот утвержден государем [Петром I]. Сын его, человек молодой и видный, узнавший о таком приговоре, при выходе государя из дворца пал к стопам его и со слезами возопил:

– Государь, надежда наша! Не дерзая умолять тебя, меньше же негодовать на приговор, учиненный судом отцу моему, – зная, что оный правосуден, а прошу только из единого милосердия твоего: преступление отца и заслуженное им наказание перенести на меня. Он, при старости и слабости своей, наказания твоего перенести не может, а я, по молодости и крепости своей, удобно снесу и заплачу тем за рождение свое. И таким образом, без нарушения правосудия твоего, спасу и мать мою, которая не может перенести столь горестного лишения мужа, малолетних же братьев и сестер избавлю от несносного сиротства и бесчестия всего нашего рода.

Государь, чувствительно тронутый таковою сыновней нежностью, поднял его и, поцеловав, сказал:

– За рождение такого сына, как ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жалую чином и местом его, надеясь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой».

В анекдоте № 1 засвидетельствован факт обращения напрямую к императору как последней судебной инстанции. Причем обращение здесь идет не просто как к высшему лицу государства, а как к «доброму царю». Любопытно, что сын просит не освободить отца от наказания, а предлагает себя взамен него. И Петр I ведет себя в данной ситуации вовсе не в соответствии с требованиями закона, а отвечая ожиданиям просителя и окружающих от него «милостивого» поступка. Совершенно не важно имел ли на самом деле место факт, послуживший фабулой анекдота, однако он весьма показателен в плане выявления особенностей ментальности населения России, в среде которого хо-

дили истории подобного рода. Следует отметить, что нет ничего удивительного в том, что можно было напрямую обратиться к монарху со своей просьбой. С одной стороны, здесь проявляются пережитки чуть ли не времен военной демократии, с другой – в России проводилась целенаправленная политика, целью которой было приближение власти к народу; сохранялась традиция непосредственного участия монарха в решении не только общегосударственных вопросов, но и проблем индивидуального характера.

Наконец, в России исторически сложилось недоверие к суду. Подтверждением этому служит мощный пласт народных пословиц и поговорок: «В суд ногой – в карман рукой», «Перед Богом ставь свечку, а перед судьей – мешок!», «С кого судья взял, тот и прав стал», «Когда судью подаришь, то всех победишь», «Дари судью, так не посадят в тюрьму», «Дарами и праведного судью к неправде приведешь», «Мздой, что уздой, обратишь судью в твою волю», «Перед судом все равны: все без окупа виноваты», «Судьи за деньги страх Божий забыли – стараются, чтобы виноватые правы были», «Утиного зоба не накормишь, судейского кармана не наполнишь», «Скорее дело вершишь, коли судью подаришь», «С сильным не борись, с богатым не тяжись», «В суде убогий с богатым, хоть и прав, бывает виноватым», «Суд, что паутина: шмель проскочит, а муха вязнет»²⁸.

Приведенные пословицы и поговорки показывают, что судебная система России не только не являлась средством установления справедливости в обществе, механизмом, регулирующим на основе закона отношения между различными социальными слоями, но, напротив, вела к усугублению конфликта между различными субъектами общественных отношений. Все судьи представляются взяточниками, готовыми за мзду вынести любой приговор. В споре богатого и бедного, знатного и простолюдина у бедного и простого человека нет никаких шансов на справедливое разрешение дела. Поэтому нет ничего удивительного, что для справедливого суда нужно обращаться только к самому царю-батюшке.

Естественно, непосредственно обратиться к императору было не так просто по многим причинам, в том числе и законодательного характера. Так, например, в 1699 г. вышел указ Петра I, разрешавший подачу челобитных напрямую царю, только если спорное дело уже было рассмотрено судом и его решение не удовлетворило челобитчика²⁹. Указ 1700 г. подтвердил постановление 1699 г. и запретил обращаться непосредственно к царю, минуя местные органы³⁰. Несмотря на эти законодательные ограничения, жалобы лично в руки монарху подавались и в более поздние времена, как это видно из ряда анекдотов, приведенных ниже. В анекдоте № 1, как видим, от наказания был освобожден действительно виновный человек, приговоренный судом. Подобная ситуация вырисовывается и при знакомстве с анекдотом № 2.

№ 2³¹: «В каком-то губернском городе император [Николай I] посетил острог. Опросив арестантов, довольны ли они содержанием и не терпят ли обид, государь полюбопытствовал знать о причинах их заключения.

– Ты за что содержишься? – спросил он одного.

– Безвинно, Ваше царское величество, – завопил арестант, ваясь на колена, – по наговору. Значит, церкву разграбили, да и пономаря пристукнули... Я-то знать не знаю, и ведать не ведаю, а мужики и хватились за меня...

– Ты за что? – спросил государь второго.

– Тоже по наговору, Ваше императорское величество. Коробочника подле деревни зарезали и ограбили, а я и сном-духом не виноват.

– Ты? – обратился государь к третьему.

– По злобе, Ваше величество. Сосед целую пачку фальшивых ассигнаций мне подбросил, а на чердак занес какие-то печатные камни... А я, как есть – чист.

В том же роде последовали ответы остальных арестантов: все, оказалось, сидели невинно. Только один на вопрос: “Ты, удалая головушка, конечно, тоже по наговору?” – отвечал:

– Никак нет, Ваше императорское величество, я сию поделом: у купца лошадку украл.

– Лошадку украл? – переспросил государь с улыбкою. И обратившись к губернатору, сказал:

– Сию же минуту выпустить этого негодяя на все четыре стороны. Здесь все честные люди сидят и между ними одному негодяю нет места, а то он всех развратит!».

На сей раз Николай I освобождает виновного в совершении преступления. Хотя заключенный и не просит освободить его, более того, признается в краже, император вновь выступает в качестве некоего царя-батюшки, снисходительного к своим детям-подданным. История эта, с одной стороны, поучительна (говори правду и будешь вознагражден), с другой – произвела, судя по всему, сильное впечатление на окружающих, стала элементом фольклора и способствовала формированию, как бы сейчас сказали, положительного имиджа монарха в глазах населения. Кроме того, в российском менталитете понятия «закон» и «справедливость» далеко не всегда совпадали. И показательным является то, что, выходя за рамки закона, правитель государства представлялся народу более справедливым.

Вообще, все слои населения ждали от монарха милостей. И эти «милости» периодически раздавались. В одних случаях они носили спонтанный персонифицированный характер (анекдоты № 1 и 2), в других – «приурочивались» к какому-либо важному событию (анекдоты № 3 и 4).

№ 3³²: «При восшествии императора Александра [I] на престол все лица, заключенные в предшествовавшее царствование в Петропавловскую крепость, были освобождены. Один из арестантов, оставляя каземат, надписал над дверями: “Свободен от постоя”. Об этом донесли государю. Он улыбнулся и заметил, что следовало бы прибавить к надписи слово: “навсегда”».

Показательно, что, массово амнистируя заключенных Петропавловской крепости, Александр I не дает им абсолютной индульгенции. Хотя он и говорит с улыбкой, что «следовало бы прибавить к надписи слово: «навсегда», тем не менее, царь вполне серьезен. И слушателям анекдота это понятно. Ведь справедливый правитель должен быть не только добрым, но и строгим.

№ 4³³: «Известно, что день бракосочетания Великого князя Александра Павловича, именно 3-го декабря 1793 года, ознаменован был многими монаршими милостями, в том числе и наградами чиновников по различным ведомствам. Между последними судьей киевского совестного суда коллежскому советнику Полетике был пожалован орден Св. Владимира, но в рескрипте ему о том, вместо “коллежский”, он поименован “статским советником”. Получив этот рескрипт, Полетика представил его в губернское правление и требовал объявить ему по установленному порядку сей чин. Не имея указа от Сената о пожаловании Полетики в статские советники, губернское правление затруднялось в исполнении его требования и вошло с представлением в Сенат, испрашивая на это разрешения. Когда, наконец, обстоятельство это через генерал-прокурора представлено было на рассмотрение императрицы, с означением именно того, что Полетика наименован в рескрипте статским советником по ошибке, Государыня [Екатерина II] сказала:

– Государя не ошибаются, и ошибки их должны приниматься за истину».

В данном анекдоте зафиксировался один из курьезных случаев, связанных с достаточно часто имевшими место ошибками в делопроизводстве. Однако интересен другой момент: Екатерина II заявляет, что государя не могут ошибаться. Стоит ли расценивать высказывание императрицы как ее жизненное кредо? Анекдот № 5 свидетельствует, что нет.

№ 5³⁴: «Екатерина [II] подарила одной из придворных дам, госпоже Верр, десять тысяч рублей на покупку дома. Покупая дом, Верр совершила купчую крепость на общее имя со своим мужем. Когда последний умер, наследники его отыскиали себе (за выделом указанной части) половину дома, и Сенат утвердил их право. Императрица, основываясь на том, что деньги были подарены жене, нашла это решение несправедливым и поручила генерал-рекветмейстеру Маслову рассмотреть дело.

Через несколько времени Маслов доложил государыне, что сенатское постановление правильно и сообразно с уставами.

– Так уставы те глупы и смешны, – сказала она.

– Ваше Величество имеет власть их переменить – возразил Маслов, – но до сих пор никто иначе не должен поступать.

– Напишите указ, чтобы весь дом принадлежал вдове, – отвечала императрица, – я этого хочу!

– Но, государыня, этим нарушится правосудие и право собственности, – заметил Маслов.

– Прошу не рассуждать! – крикнула императрица с гневом. Маслов замолчал, собрал бумаги, поклонился и ушел.

На другой день, явясь с докладом, Маслов подал императрице две бумаги, сказав:

– Вот, Ваше Величество, два указа по делу Верр, один согласный с вашей волей, а другой – с законами.

Екатерина молча взяла бумаги и положила их в стол; затем, выслушав и разрешив остальные доклады Маслова, ласково и милостиво поговорила с ним и отпустила домой.

В тот же вечер Сенат получил подписанным тот указ, который соответствовал представлению Маслова, а, следовательно, и справедливости».

В анекдоте № 5 мы видим некоторые метания Екатерины II – она осознает, что стоит выше закона, но в то же время, хотя и после долгих раздумий, не идет на его нарушение или изменение. Кстати, если в анекдотах № 1 и 2 нарушение закона монархом являлось, в какой-то мере, проявлением его справедливости, то в анекдоте № 5, напротив, именно следование закону и есть воплощение справедливости. Позиция, что законы выше царей, очень четко и однозначно прослеживается в анекдоте № 6.

№ 6³⁵: «В бытность императора Александра I в Перми в сентябре 1824 года к нему подошла какая-то помещица, сосланная сюда за жестокое обращение со своими крепостными. Она о чем-то просила государя.

– Государь! Вы все можете сделать.

– Не могу – законы не позволяют.

– Закон во власти царей.

– Нет, сударыня, законы выше царей, – возразил монарх».

Император может отступить от закона, если речь идет о «милостях», но не может нарушить закон, если в результате этого пострадают другие люди.

Самой серьезной категорией преступлений в дореволюционной России являлись государственные. В их число входили и дела об оскорблении Императорского Величества. За их совершение по закону полагались каторжные работы. Судя по дошедшим до нас анекдотам, результат рассмотрения такого рода дел разными российскими правителями был одним: виновные оставались безнаказанными (анекдоты № 7–9). Конечно, в реальности все обстояло далеко не так. Однако в народном сознании монарх оказывался выше оскорблений, нанесенных ему «неразумными» подданными.

№ 7³⁶: «Рылеев, тогдашний С[анкт]-петербургский обер-полицеймейстер, по окончании своего доклада о делах доносил императрице [Екатерине II], что он перехватил бумагу, в которой один молодой человек поносил имя Ее Величества.

– Подайте мне бумагу, – говорит она.

– Не могу, государыня, в ней такие выражения, которые и меня приводят в краску.

– Подайте, говорю я, – чего не может читать женщина, должна читать императрица.

Развернула, читает бумагу; румянец выступает на ее лице, она ходит по зале, и гнев ее постепенно разгорается.

– Меня ли ничтожный дерзает так оскорблять? Разве он не знает, что его ждет, если я предам его власти законов?

Она продолжает ходить и говорить подобным образом, наконец, утихла. Рылеев осмелился прервать молчание.

– Какое будет решение Вашего Величества?

– Вот мое решение! – сказала она, и бросила бумаги в огонь».

№ 8³⁷: «Однажды министр юстиции И.И. Дмитриев, явясь с докладом к императору Александру [I], представил ему дело об оскорблении величества. Государь, отстранив рукою бумаги, сказал:

– Ведь ты знаешь, Иван Иванович, что я этого рода дела никогда не слушаю. Простить, и кончено. Что же над ними терять время.

– Государь, – отвечал Дмитриев, – в этом деле есть обстоятельства довольно важные, дозволюсь хоть их доложить отдельно.

Александр, помолчав и подумав немного, возразил:

– Нет, Иван Иванович, чем важнее такого рода дела, тем меньше хочу их знать. Тебя это, может быть, удивляет, но я тебе объясню. Может случиться, что я как император все-таки прошу, но как человек буду сохранять злобу, а я этого не хочу. Даже при таких делах впредь не говори мне никогда и имени оскорбителя, а говори просто: “Дело об оскорблении величества”, потому что я, хотя и прошу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это нехорошо».

№ 9³⁸: «Однажды императору [Николаю I] доложили, что в каком-то городе, в питейном доме, сапожник Яков Пахомов, будучи пьяным чуть ли не до беспамьятства, совершил тяжелое преступление, плюнув на портрет государя, причем разразился страшной бранью по адресу Его Величества.

За такое оскорбление величества по закону полагалось очень суровое наказание, но о каждом подобном случае, еще со времени Петра Великого доводилось до сведения государя.

В докладе было упомянуто, что преступник арестован и содержится в секретной канцелярии с кандалами на руках и ногах.

Николай написал следующее решение: “Освободить его немедленно и сказать ему, что, как он плюет на мой портрет, так я плюю на пьяницу Яшку Пахомова, да советую ему поменьше пьянствовать, потому что сделай он это же с портретом своего станового или городничего, ему это так дешево не обошлось бы”».

Как видим, все монархи оставляют виновных в их оскорблении безнаказанными. Реакция у них разная: Екатерина бросает документ в огонь, Николай показывает свое пренебрежение к оскорбившему его сапожнику, Александр не хочет ничего знать о делах подобного рода. И все же не только из-за снисхождения к преступникам и раздачи «милостей» в народном сознании сформировался образ монарха как носителя высшей справедливости. Прежде всего, это произошло потому, что правитель порой сам рассматривал челобитные от населения и сложные дела и, разобравшись, выносил по ним правильные решения.

№ 10³⁹: «В один из торжественных дней, в которые Екатерина [II] всенародно приносила в Казанском соборе моление и благодарение Богу, небогатая дворянка, упавши на колени перед образом Божьей Матери, повергла перед ним бумагу. Императрица, удивленная таким необыкновенным действием, приказывает подать себе эту бумагу и что же видит? Жалобу Пресвятой Деве на несправедливое решение тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергает просительницу в совершенную бедность. “Владычица, – говорит она в своей жалобе, – просвети и вразуми благородную нашу Монархиню, да судить суд правый”. Екатерина приказывает просительнице через три дня явиться к ней во дворец. Между тем требует из Сената ее дело и прочитывает его с великим вниманием.

Прошли три дня. Дама, принеся жалобу Царице небесной на царицу земную, является; ее вводят в кабинет; с трепетом приближается она к императрице.

– Вы правы, – говорит Екатерина, – я виновата, простите меня; один Бог совершенен; и я ведь человек, но я поправлю мою ошибку. Имение ваше вам возвращается, а это (вручая ей драгоценный подарок) примите от меня и не помните огорчений вам нанесенных».

Просительница в данном случае не отваживается на прямую подачу жалобы самой императрице, однако своеобразной хитростью привлекает ее внимание. В результате жалоба не только удовлетворена, но Екатерина II извиняется перед женщиной и дарит ей подарок. Императрица просит прощения за несправедливый суд и в анекдоте №11.

№ 11⁴⁰: «Сибирский генерал-губернатор Якоби был невинно оклеветан. В конечном итоге дело рассматривал Сенат, и был произнесен обвинительный приговор.

Но по тогдашнему порядку предварительно представлялась императрице [Екатерине II] докладная записка, то есть краткое изложение всего дела. Державин, один из статс-секретарей того времени, представляет императрице выписку из дела на 300 листах; она просит сократить ее; представляет ее на 30 листах; она просит еще сократить. Врученную ей на 3-х листах прочла и сказала:

– Нет, все что-то не ясно, истина запутана. Привезите мне все дело.

Дело привезено, поставлено во дворце в одной из внутренних комнат императрицы и задержано занавескою. Когда Государыня спросила:

– Да где же дело Якоби?

Державин одернул занавеску, и кипы бумаг, накладенные одна на другую, в три ряда с полу до потолка, открылись. Государыня, окинув их глазами, сказала:

– Этим не испугаешь меня!

Она назначила один час каждый день на чтение этого дела. Одному только Державину доверила она делать выписки из некоторых бумаг. Так, говорят, прошел целый год.

Наконец, Якоби потребовали во дворец; его вводят в кабинет императрицы.

– Я рассмотрела ваше дело, – говорит она, – и за счастье почитаю вам сказать: вы невиновны.

Слезы брызнули из глаз Якоби.

– В вознаграждение за долгое ваше страдание справедливым почитаю возложить на вас орден (на золотом блюде лежал орден Св. Владимира).

Якоби, рыдая, упал на колени:

– Правосуднейшая монархиня! Вы возвращаете мне честь мою и невинность: другой награды мне ненужно.

– Встань, Якоби, не тебе стоять на коленях, твои судьи должны бы перед всей Россией просить у тебя прощения».

Екатерина II заставила себя заняться сложным и запутанным делом, потратила много времени. В результате пришла к выводу, что Якоби невиновен и нашла в себе силы извиниться за судей, а также наградила его орденом. Кстати, последнее вряд ли можно считать правильным, ведь ордена должны даваться за заслуги, а не за судебные ошибки.

Не найдя справедливости в других инстанциях, даже простые солдаты отваживались обратиться к самой императрице (анекдот № 12).

№ 12⁴¹: «Заслуженный солдат, нашедший удобный случай, когда императрица [Екатерина II] выходила из кареты, стал перед нею на колени с бумагою в руке.

Бумага принята и прочитана. Это была тайная жалоба целого полка, стоящего в Малороссии, на полкового командира, кн. Г., что он не выдает жалования, от чего солдаты терпят крайнюю нужду, что они выбрали единодушно лучшего из своих товарищей, унтер-офицера, чтобы он довел их горе до Матушки их правосудной Государыни.

Императрица приказала графу Захару Григорьевичу Чернышеву тайно разведать, точно ли жалоба справедлива, и хорошо содержать присланного.

Чернышев поместил его в своем доме и производил розыски. Между тем родные кн. Г., узнав о его беде, всячески умоляли гр. Чернышева спасти его. Дело тянулось долго, и, наконец, казалось как бы забытым. Через несколько месяцев гр. Чернышев, чтобы солдат, живший в его доме, не напоминал о деле и не попался бы когда-нибудь на глаза императрице, отправил его на службу в один из сибирских полков, да и сам перестал думать и забыл об этом деле.

Но не забыла Екатерина.

– Что же, граф, – спросила она однажды Чернышева, – собраны ли сведения по жалобе полка?

– Нет, Ваше Величество, еще не получено полных и верных.

– А присланный от полка?

– Живет, Государыня, у меня в доме во всем довольстве. Ему идет и вино, и пиво; обед посылаю ему с моего стола.

– Захар! – грозно сказала императрица, – ты лжешь! Ты обманываешь меня! Я знаю все. Слушай же, Захар, начальника полка сменить и предать суду, присланного немедленно возвратить в Петербург.

Полку было возвращено все законное; присланный унтер-офицер был пожалован в офицеры и возвратился в свой полк, благословляя имя Государыни».

Снова, благодаря вниманию и настойчивости императрицы, справедливость торжествовала. Несмотря на противодействие придворных, командир полка был наказан, а солдаты получили жалованье.

Следующий анекдот (№ 13) в своем роде уникален. Его главным героем является Павел I. Традиционно в историографии к персоне этого императора отношение, скорее, негативное, отмечается, что его мало кто любил в России. Однако нижеприведенный анекдот несколько по-иному позволяет взглянуть на образ Павла в российском общественном сознании.

№ 13⁴²: «Петербургский генерал-губернатор Архаров несколько лет был должен одному купцу двенадцать тысяч рублей. Все старания купца получить долг остались тщетными. Арха-

ров кормил его сперва завтраками, потом стал выталкивать в шею и, наконец, избил жестоким образом. Несмотря на то, что Архаров пользовался особенным расположением императора Павла, купец решился жаловаться на него государю и, выбрав время, когда император находился на разводе вместе с Архаровым, подал первому челобитную прямо в руки.

Павел взял челобитную, развернул ее и, разумеется, с первых же строк увидел, что дело идет о его любимце. Он тотчас подозвал Архарова и, подавая ему бумагу, ласково сказал:

– Что-то у меня глаза слипаются и словно запорошены, так что я прочитать не могу. Пожалуйста, Николай Петрович, прими на себя труд и прочти мне эту бумагу.

Архаров принял бумагу и начал бойко читать ее, но, увидев, что это жалоба на него самого, смутился, стал запинаться и читал так тихо, что едва было слышно.

– Читай, читай громче, – заметил Государь, – я сегодня и слышу как-то нехорошо.

Архаров возвысил голос, однако не более как так, чтобы слышал один Государь.

Но Павел этим не удовлетворился. Он велел читать так громко и с такими расстановками, чтобы окружающие могли ясно все слышать.

Делать было нечего. Архаров с замирающим сердцем прочитал челобитную внятно и во весь голос.

– Что это? – спросил император по окончании чтения, – это не тебя, Николай Петрович?

– Так точно, Ваше Величество, – отвечал смущенный Архаров.

– Да неужели это правда?

– Виноват, Государь.

– Но неужели и то все правда, что этого купца за его же добро, вместо благодарности, не только взашей вытолкали, но даже и били?

– Что делать! – сказал Архаров, покрасневший до ушей, – должен и в том признаться, Государь, что виноват! Обстоятельства мои меня к тому принудили. Однако я в угодность Вашему Величеству сегодня же его удовлетворю и денег ему заплачу.

Такое чистосердечное признание смягчило Государя, и он ограничился тем, что, обратившись к купцу, сказал ему:

– Ну, хорошо! Когда так, то вот слышишь, мой друг, что деньги тебе сегодня же заплатятся. Поди себе. Однако когда получишь, то не оставь придти ко мне и сказать, чтобы я знал, что сие исполнено.

Таким образом, Архаров был лишен всякой возможности отделаться от своего долга.

Итак, Павел I не просто справедливо решает дело в пользу обиженного своим любимцем Архаровым купца, но и предпринимает меры, чтобы деньги действительно были возвращены. При этом император проявляет сообразительность и остроумие, ставя Архарова в воспитательных целях в неловкое положение.

Перейдем к реконструкции других особенностей российского общественного сознания XVIII – первой половины XIX в. Когда знаменитого российского историка и литератора Н.М. Карамзина спросили: «Как Вы можете охарактеризовать положение дел в России?», он ответил: «Воруют». Воровство, в том числе и в государственных масштабах, конечно, не является «привилегией» россиян, однако в нашей стране исторически сложилось весьма специфическое отношение к этому преступному деянию. Уже в течение многих веков кража воспринимается как обыденное явление, своеобразный элемент повседневной жизни. В этом состоит одно из отличий российского менталитета от менталитета населения других стран. Проследим по анекдотам отношение российских правителей к воровству.

№ 14⁴³: «Государь [Петр I], заседая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневе своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому: “Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот без дальнейшего следствия повешен будет”. Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но несколько поудержавшись, отвечал монарху: “Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ?” – “Пиши, – прервал государь, – что я тебе приказал”. Ягужинский все еще не писал и, наконец, с улыбкой сказал монарху: “Всемиловейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее,

нежели другой”. Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал».

Анекдот № 14 свидетельствует, что в эпоху петровских преобразований воровство не только имело место, но с ним пытались активно бороться, в том числе и на высшем государственном уровне. Петр I лично слушал дела такого рода в Сенате, и они вызвали у него справедливое негодование. Импульсивный правитель пытается ввести жесткие меры по отношению к вора. Однако более реалистично мыслящий генерал-прокурор П.И. Ягужинский в шуточной форме переубеждает его. Генерал-прокурор по сути констатирует факт массового воровства среди чиновничества. В результате Петр I принимает его аргументы и больше не ставит вопрос подобным образом, борясь в дальнейшем с отдельными преступниками, но не системой в целом.

В период правления Екатерины II воровство имело место даже в царском дворце. Причем воровали и придворные, и прислуга. Императрица об этом знала, но ничего не могла сделать.

№ 15⁴⁴: «Гуляя по саду, императрица [Екатерина II] заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встречаться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим:

– Хоть бы блюда мне оставили!».

№ 16⁴⁵: «Екатерина [III] знала, что низшие чины и вся придворная прислуга пользовались непозволительно поживою, особенно в съестном и напитках. Она даже нередко видала своими глазами, во время утренних прогулок, как служители ее тащили из дворца огромные подносы, нагруженные всякой всячиной, и однажды сказала М.С. Перекусихиной:

– Хоть бы фарфор мой сберегли!

А в другой раз, столкнувшись, так сказать, с этими подносами, сказала несшим их:

– Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!

– Спит еще, матушка-государыня! – был их ответ».

Анекдоты № 15 и 16 основываются на одних и тех же, по-видимому, многочисленных, фактах. Представляет интерес реакция Екатерины. Императрица не пылает гневом, не пытается наказать виновных, хотя факт воровства ей очень неприятен.

№ 17⁴⁶: «Смотря в окно из Эрмитажа, Екатерина [III] заметила, что из кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на телегу съестные припасы, надеясь, что в такое время шалость сойдет им с рук. У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные.

Екатерина тотчас послала сказать: “Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет”.

Такой урок стоит наказания».

В анекдоте № 17, так же как и в анекдоте № 16, вновь констатируется своеобразная забота Екатерины о подданных («Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!», «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит»). Такое отношение можно рассматривать не только как попустительство, но и как потакание воровству. Екатерина рассматривала воровство из своего дворца как «шалость», а воришек – как «шалунов». Очень показательно в данном анекдоте отношение его рассказчиков к реакции императрицы на происходящее: «У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные». Другими словами, Екатерина укладывалась в эту концепцию восприятия ее подданными.

Сюжет со «злым» обер-гофмаршалом и «доброй» императрицей повторяется в анекдотах № 18 и 19. Кстати, ни в одной из историй гофмаршал не является действующим лицом, а лишь упоминается в качестве своеобразного пугала.

№ 18⁴⁷: «Однажды в Царском селе императрица [Екатерина II], проснувшись ранее обыкновенного, вышла на дворцовую галерею подышать свежим воздухом, и увидела у подъезда нескольких придворных служителей, которые поспешно нагружали телегу казенными съестными припасами. Екатерина долго смотрела на эту работу, не замечаемая служителями, наконец, крикнула, чтобы кто-нибудь из них подошел к ней. Воры оторопели и не знали, что делать.

Императрица повторила зов, и тогда один из служителей явился к ней в величайшем смущении и страхе.

– Что вы делаете? – спросила Екатерина. – Вы, кажется, нагружаете вашу телегу казенными припасами?

– Виноваты, Ваше Величество, – отвечал служитель, падая перед ней в ноги.

– Чтобы это было в последний раз, – сказала Императрица, – а теперь уезжайте скорее, иначе вас увидит обер-гофмаршал, и вам жестоко достанется от него».

Как видим, на этот раз Екатерина не игнорирует происходящую кражу, а требует ответа от воров. Однако, несмотря на предостережение «чтобы это было в последний раз», преступники уходят безнаказанными, более того, – с воспоминанием о доброй правительнице и осознанием, что воровать можно и дальше. Подобное ощущение складывается и при прочтении анекдота № 19.

№ 19⁴⁸: «На звон колокольчика Екатерины [II] никто не явился из ее прислуги. Она идет из кабинета в уборную и далее, и, наконец, в одной из задних комнат видит, что истопник усердно увязывает толстый узел. Увидев императрицу, он оробел и упал на колени.

– Что такое? – спросила она.

– Простите меня, Ваше Величество.

– Да что же такое ты сделал?

– Да вот, матушка-государыня, чемодан-то набил всяким добром из дворца Вашего Величества. Тут есть и жаркое, и пирожные, несколько бутылок пивца и несколько фунтиков конфет для моих ребятишек. Я отдежурил мою неделю и теперь отправляюсь домой.

– Да где ж ты хочешь выйти?

– Да вот здесь, по этой лестнице.

– Нет, здесь не ходи, тут встретит тебя обер-гофмаршал [Григорий Николаевич Орлов], и я боюсь, что детям твоим ничего не достанется. Возьми-ка свой узел и иди за мною.

Она вывела его через залы на другую лестницу, и сама отворила дверь:

– Ну, теперь с Богом!»

Обратим внимание, что в этот раз Екатерина заходит еще дальше, чем во всех предыдущих историях: она не игнорирует воришку, не делает ему назиданий, а содействует преступнику, выводя его из дворца безопасным для него путем. Следует отметить, что не во всех случаях Екатерина так спокойно относилась к воровству. В анекдоте № 20 ее реакция оказывается несколько иной.

№ 20⁴⁹: «Однажды императрица [Екатерина II], пробегая представленные ей отчеты дворских расходов, увидела в них, между прочим, что пудры для ее головы ежедневно выходит целый пуд. Она улыбнулась, и вот что сделала: на другой день по окончании туалета, вышла в приемную залу молча и поддерживая свою голову рукою – придворные дамы, ожидавшие ее в этой зале, встревожились, и, полагая, что это головная боль, шепнули одной фрейлине, милой и веселой, которую государыня любила, чтобы она постаралась как-нибудь развеселить ее. Эта, после разных умных и веселых приветствий, обласканная уже державною рукою безмолвной государыни, осмелилась излить свое сетование о нездоровье повелительницы всей России.

– Нет, моя милая, – сказала, наконец, императрица, – я, слава Богу, здорова, но, посуди, каково мне: ведь целый пуд пудры мне посыпали на голову.

Это был последний пуд. С этих пор он никогда не встречался в придворных отчетах».

Итак, Екатерина в данном случае не стала терпеть кражу. Возможно, здесь имел значение объект воровства – пудра, которая являлась важным элементом «наведения женской красоты» в то время. Женщина-императрица не стала мириться с посягательством на свою косметику. В данном случае «урок» Екатерины привел к положительному результату – воровство пудры подобным способом прекратилось, но виновные опять-таки не были наказаны. Из анекдотов о Екатерине II трудно сделать вывод, переживала ли императрица из-за массового воровства, имевшего место в России в целом и в ее дворце в частности. Однако внука Екатерины Николая I проблема воровства в России волновала.

№ 21⁵⁰: «Во время Крымской войны государь [Николай I], возмущенный всюду обнаружившимся хищением, в разговоре с наследником [будущим Александром II] выразился так:

– Мне кажется, что во всей России только ты да я не воруюм».

Как видно из анекдота № 21, Николай I искренне переживает за происходящее, но при этом ничего не может сделать и не пытается предпринять какие-то практические шаги в этом направлении. Те же боль и бессилие звучат в словах Николая I, обращенных к немецкому художнику Ф. Крюгеру (анекдот № 22).

№ 22⁵¹: «Берлинскому художнику Францу Крюгеру за отлично написанный портрет Николая I велел подарить золотые часы, усыпанные бриллиантами. Однако чиновники дворцового ведомства принесли Крюгеру золотые часы, на которых не было ни одного бриллианта. Вскоре каким-то образом Николай узнал о самочинстве своих сановников. При встрече император сказал художнику:

– Видите, как меня обкрадывают! Но если бы я захотел по закону наказать всех воров моей империи, для этого мало было бы всей Сибири, а Россия превратилась бы в такую же пустыню, как Сибирь».

В этом анекдоте, так же как и в анекдоте № 21, император высказывает мысль, что в России воруют практически все. И сделать при этом ничего невозможно – всех не пересажашь. Получается, что бороться с воровством – значит бороться с собственным народом. А с народом (и это Николай I прекрасно понимает) бороться невозможно.

Таким образом, юридический анекдот XVIII – первой половины XIX в. является ценным источником для изучения российского правосознания и ментальности в целом. Он, в отличие от ряда других исторических источников, неподцензурен и, следовательно, отражает в неискаженном виде отношение социальной группы (носителя анекдота) к описываемым явлениям общественной жизни. Изученные анекдоты позволяют утверждать, что в исследуемый период правосознание населения России носило монархический характер. При общем негативном отношении к суду, судебной власти, да и государственной власти вообще, монарх воспринимался подданными в качестве высшей земной инстанции. Несмотря на личностные особенности различных российских правителей, проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику, народ видел в них оплот справедливости, последнюю надежду на то, что правда восторжествует. В сознании населения «добрый царь» априори справедлив и милосерден. Даже когда осужденный действительно виновен, правитель может (и в некоторых случаях должен) быть к нему снисходительным. Восприятие монарха как «отца» (Екатерины II – «матери») народа требовало от него терпимости к своим «детям». Это касалось и тех случаев, когда «неразумные» подданные наносили оскорбление правителю. Царь в народных представлениях стоит выше законов, он может их нарушить, но должен делать это только в том случае, если желает оказать «милость» своему подданному. В противном случае произвол недопустим.

Анекдот достаточно ярко отразил еще одну специфическую черту российской ментальности – отношение к воровству как к обыденному, практически нормальному явлению. Российские императоры XVIII – первой половины XIX в. знали про остро стоящую проблему воровства в стране, однако воспринимали ее как проявление особенностей национальной психологии своих подданных. Такая «слабость» высшей власти осознавалась рассказчиками и слушателями анекдотов, однако ставилась ей, скорее, в заслугу, нежели характеризовала с негативной стороны.

Примечания

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 514.

² Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. М., 1997. С. 349.

³ Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: Материалы «круглого стола» 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 19–20.

⁴ И.А. Тульпе пишет: «Даже имея автора, анекдот существует как анонимный, коллективно творимый и передаваемый в коллективе текст. В непрофессиональной бытовой устной передаче он предполагает некоторую импровизацию и адаптацию (рассказывает, как сам понял, или чтобы поняли слушатели)» (см.: Тульпе И.А. Анекдот как антидот для отравленных жизнью // Анекдот как феномен культуры... С. 132).

⁵ Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб., 2001. С. 13.

⁶ Анашкин Г. Анекдот как концентрированное выражение ментальности // А.С. Пушкин и российское историко-культурное сознание. Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем: Третья Международная конференция по истории психологии российского сознания. Т. 5. Вып. 1. Самара, 1999. С. 21–22.

⁷ Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. С. 130. Позиции, что анекдот – жанр городского фольклора, придерживаются и другие исследователи (см., напр.: Прохоренко Л.Е. Образ автора: автопортрет в анекдоте // Анекдот как феномен культуры... С. 99; Тульпе И.А. Указ. соч. // Там же. С. 133).

⁸ Анекдот как феномен культуры... С. 5, 54.

⁹ См., напр.: Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте. Нижний Новгород, 2007. С. 34, 40–41, 48–51.

¹⁰ Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 17.

¹¹ Орнатская Л.А. Анекдот и жизнь // Анекдот как феномен культуры... С. 92.

¹² См.: Никанорова Е.К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.

¹³ См.: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 2003; Курганов Е. Анекдот как жанр; *его же*. Похвальное слово анекдоту...

¹⁴ См.: Анекдот как феномен культуры.

¹⁵ См., напр.: Мезин С.А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов, 2002.

¹⁶ См., напр.: Чекунова А.Е. Анекдоты и устные рассказы о императрице Екатерине II. Опыт историко-ведческого наблюдения // http://ekaterina2.bnd.ru/konf/konf_062.shtml; *ее же*. Анекдоты Якоба Штелины о Петре I: К вопросу о добросовестности собирателя и составителя // Немцы в России. СПб., 1998; *ее же*. Появление исторического анекдота в России // Вопросы истории. 1997. № 2.

¹⁷ См.: Смирнова Н.В. Подлинные анекдоты о Петре Великом Я.Я. Штелины как источник для изучения деятельности Петра I и его времени. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

¹⁸ Демичев А.А. Образ суда в дореволюционном российском анекдоте... См. также: *его же*. Дореволюционный анекдот как источник изучения российского суда присяжных // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 6; *его же*. Образ прокурора в дореволюционном юридическом анекдоте // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. № 1; *его же*. Дореволюционный юридический анекдот как источник изучения мирового суда // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История, политология, экономика». 2008. № 2. Вып. 6; *его же*. Мировой судья А.И. Трофимов в дореволюционном юридическом анекдоте // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. № 5; *его же*. Образ подсудимого в российском правосознании второй половины XIX – начала XX в. (по материалам исторических анекдотов) // История государства и права. 2009. № 8; и др.

¹⁹ Кстати, в основе вышедшей в 2006 г. монографии А.Б. Каменского лежит комплекс источников местных учреждений XVIII в., отложившихся в большинстве случаев именно вследствие конфликтных ситуаций. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

²⁰ Чекунова А.Е. Анекдоты и устные рассказы о императрице Екатерине II...

²¹ Никитенко А.В. Анекдот // Энциклопедический лексикон. Т. 2. СПб., 1835. С. 303.

²² Смирнова Н.В. Указ. соч. С. 213.

²³ См.: Черты из жизни Екатерины II // Древняя и новая Россия. 1879. Т. 1; Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Ч. 2. СПб., 1842; Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 3. СПб., 1847.

²⁴ См.: Подлинные анекдоты Екатерины Великой. М., 1806; Новое собрание русских анекдотов или прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою. М., 1829.

²⁵ См.: Исторические анекдоты из жизни русских государей. СПб., 1880; Рассказы А.Я. Бутковской // Исторический вестник. 1884. Т. 4; Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего. СПб., 1898.

²⁶ См.: *Кривошлык М.Г.* Исторические анекдоты из жизни замечательных людей. М., 1991; Исторические анекдоты из русской жизни. М., 2004; Антология юридического анекдота. Изд. 3. М.; Нижний Новгород, 2007.

²⁷ См.: *Кривошлык М.Г.* Указ. соч. С. 18.

²⁸ См.: Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 1885. С. 25–26.

²⁹ См.: ПСЗ-I. № 1707.

³⁰ Там же. № 1748.

³¹ См.: Исторические анекдоты из жизни русских государей... С. 139–140.

³² См.: *Кривошлык М.Г.* Указ. соч. С. 51.

³³ См.: Исторические анекдоты из жизни русских государей... С. 17–18.

³⁴ См.: Там же. С. 12–13.

³⁵ См.: Антология юридического анекдота. С. 55.

³⁶ См.: Исторические анекдоты из жизни русских государей... С. 13–14.

³⁷ Там же. С. 76–77.

³⁸ Антология юридического анекдота. С. 38.

³⁹ См.: Исторические анекдоты из жизни русских государей... С. 22–23.

⁴⁰ Там же. С. 20–22.

⁴¹ Там же. С. 15–17.

⁴² Там же. С. 58–60.

⁴³ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 568.

⁴⁴ *Вейдемейер А.И.* Указ. соч. С. 157.

⁴⁵ Исторические анекдоты из жизни русских государей... С. 41–42.

⁴⁶ Новое собрание русских анекдотов... С. 25.

⁴⁷ Подлинные анекдоты Екатерины Великой. С. 14.

⁴⁸ Черты из жизни Екатерины II. С. 69.

⁴⁹ Там же. С. 42–43.

⁵⁰ Рассказы А.Я. Бутковской. С. 623.

⁵¹ Исторические анекдоты из русской жизни. С. 7.

© 2010 г. **Б. П. МИЛОВИДОВ***

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Проблема взаимоотношений России и внешнего мира является одной из ключевых проблем российской истории в эпоху интенсивной модернизации XVIII–XX вв. Ее важной составной частью является вопрос о положении иностранцев в России, изучение которого дает материал для определения степени интегрированности России в европейское сообщество. При этом важны как государственная политика, так и позиция общества, восприятие различными его слоями «чужого» или «другого». И хотя проблема взаимоотношения «свой/чужой» на материале отечественной истории, в том числе и на материалах XIX в., в последнее время интенсивно разрабатывается, вопрос о восприятии иностранцев в России остается малоисследованным¹. Изучение отношения к военнопленным представляется в данном контексте особенно продуктивным, поскольку исходное отношение к иностранцам накладывалось в этом случае на тот факт, что они являлись одновременно врагами, пусть и плененными. Кроме того, во время пребывания в России пленники, отправлявшиеся во внутренние губернии, вступали в контакты не только с военными, но и с гражданским населением, причем масштабы

* **Миловидов Борис Павлович**, соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге.